стей. Этого испытания он не выдерживает и гибнет — гибнет не в столкновении со старым миром или с темными силами, стоящими на страже его, а гибнет из-за собственной слабости, из-за «глупого разума», из-за отсутствия качеств, необходимых для борьбы. И хотя песня вся проникнута сочувствием к доброму молодцу, к его судьбе, она с тем большей силой утверждает народную идею о том, что в жизни, исполненной испытаний и борьбы, способен устоять и победить лишь сильный духом.

Так довершается цельный народный замысел. Мы видим, что песня заключает в себе большое художественное обобщение. Всё в ней ведет нас к определенной эпохе русской жизни. И хотя песня не содержит никаких фактических данных для ее датировки, можно смело считать ее созданием второй половины XVII века. Об этом говорят прежде всего ее содержание, ее образы. Песня свидетельствует о пробуждении в фольклоре живого интереса к человеческой индивидуальности, к судьбе личности, оказавшейся в разладе с традиционным миром. Героем песни, возбуждающим глубокое сочувствие, оказывается теперь не исторически-конкретная личность, но лицо безымянное, явно вымышленное. Перед нами — новый метод типизации, чрезвычайно сходный с тем, который рождался в литературе.

Добрый молодец песни внутренне родственен и герою «Повести о Горе-Злочастии» и Савве Грудцыну. Поиски новых путей в жизни приводят их к трагическому разладу с окружающей средой; они уходят из привычного окружения; в ходе жизненной борьбы обнаруживается их трагическая неспособность найти верный путь, и они терпят крах. Писатели XVII века уловили и отразили в своих произведениях реальные жизненные конфликты эпохи. Герой народной песни не получил такой же сложной и подробной психологической характеристики; самый сюжет песни не столь развернут, как в повестях, — он предельно сжат. Однако добрый молодец в песне проходит по существу тот же круг жизненных испытаний, переживает ту же трагедию, обнаруживает ту же внутреннюю противоречивость и слабость.

Есть в песне и еще одна идейно-художественная черта, характерная тоже для XVII века. Песню и «Повесть о Горе-Злочастии» роднит пронизывающая оба произведения грусть. Характер этой грусти — тот, о котором писал В. Г. Белинский: «Лучшие народные песни наши — грустного содержания...». Но это «тоска и грусть души сильной и мощной...». Это — «не болезнь слабой души, не дряблость немощного духа, нет, это грусть могучая, бесконечная, грусть натуры великой, благородной».[1]

В «Повести» грусть является одновременно выражением и неудовлетворенности действительностью, и осознания трагической неспособности героя выстоять и победить в жизненной борьбе. Эта последняя идея явственно звучит и в песне. Но здесь сильнее, чем в литературных произведениях, выражен пафос борьбы и героики. Рисуя гибель доброго молодца, песня в то же время выражает поэтические представления о существовании богатырских сил, могущих противостоять старому миру.

Несомненно, что зарождение и развитие мотивов грусти, — в том смысле, как понимал эти мотивы Белинский, — относятся к XVII веку и связано с формированием и усилением в народном творчестве и в литературе критического начала, протестующих, бунтарских настроений.

Песня о добром молодце и реке Смородине была, таким образом, произведением во многих отношениях новым для своего времени. Она —

---

[1] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13 томах, VI, стр. 184, 475.